

С. И. ПОСОВ

ДВА ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ РАННЕГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

(Записка А. С. Хомякова «О старом и новом» и ответ
И. В. Киреевского)

Славянофильство сыграло в истории русской общественной мысли XIX в. заметную роль и всегда привлекало пристальное внимание историков, философов и литературоведов. В дореволюционной историографии немало специальных работ о славянофильстве и нет почти ни одного труда, посвященного истории русской общественной мысли 40—60-х годов XIX в., в котором бы оно так или иначе не затрагивалось. Значительный вклад внесла в изучение славянофильства советская историография. Мы имеем в виду прежде всего работы Н. С. Державина, Н. Л. Рубинштейна, С. С. Дмитриева, В. М. Штейна, Н. Г. Сладкевича, Е. А. Дудзинской, А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова, Ю. З. Янковского, В. И. Кулешова.¹ Но в дореволюционных и в советских исследованиях, посвященных славянофильству, уделялось незначительное внимание изучению отдельных произведений его ведущих идеологов, особенно периода идейного становления славянофильства как учения (конца 30-х—первой половины 40-х годов XIX в.).

Цель настоящей работы попытаться проанализировать два наиболее ранних произведения славянофильства — статьи А. С. Хомякова «О старом и новом» и «В ответ А. С. Хомякову» И. В. Киреевского, которые столь часто упоминаются в советской историографии славянофильства, но ни разу не были предметом специального изучения.

¹ Державин Н. С. Герцен и славянофилы. — Историк-марксист, 1939, № 1; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941; Дмитриев С. С. 1) Славянофилы и славянофильство. — Историк-марксист, 1941, № 1; 2) Славянофилы. — БСЭ. 2-е изд. Т. 39, 1956; СИЭ. Т. 13, 1971; Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948; Сладкевич Н. Г. 1) К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой. — Вопросы истории, 1948, № 6; 2) Славянофильская критика 40—50-х годов. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 1) Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли. — Вопросы философии, 1966, № 6; 2) Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970; Дудзинская Е. А. 1) Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. — Вопросы истории, 1972, № 1; 2) Идеино-теоретические позиции славянофилов накануне крестьянской реформы. — История СССР, 1972, № 5; Янковский Ю. З. Из истории русской общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия. Киев, 1972; Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976.

Рассматривая указанные работы Хомякова и Киреевского, мы учитывали индивидуальные особенности авторов, факты их личной и общественной биографии, оказавшие существенное влияние на идейное содержание исследуемых произведений.

Такая историко-биографическая характеристика первых программных произведений славянофильства, а именно ими являются названные статьи, представляется тем более необходимой, что вопрос о зарождении славянофильства непосредственно связан с мировоззрением и личным обликом его первых идеологов. Между тем при характеристике идейно-классовой природы славянофильства, на выяснении которой в первую очередь сосредоточено внимание советских исследователей, этим вопросам не всегда уделяется необходимое внимание. Как отметил В. А. Китаев, «не все звенья эволюции этого идейного явления, равно как и индивидуальное своеобразие главных деятелей славянофильского лагеря, достаточно уяснены в литературе».²

«В то время, когда Чаадаев пришел к крайнему скептицизму своих „Писем“, — писал А. Н. Пыпин, — в литературе подготавливалась новая точка зрения, которая отличалась столько же крайним самоуверенным увлечением в противоположную сторону. Это было славянофильство».³ Славянофильство объединяла с «Философическими письмами» Чаадаева не одна лишь хронологическая близость. Общим был и теоретический импульс — шеллингизм, и религиозная окрашенность обоих учений, и даже более — сама система воззрений.⁴

«Зимой 1839 года, — читаем мы в биографии И. В. Киреевского, составленной его другом, видным идеологом славянофильства 50—60-х годов А. И. Кошелевым, — у него бывали еженедельные вечера для небольшого круга его друзей». По условию каждый из посетителей должен был прочесть что-нибудь вновь написанное, А. С. Хомяков написал статью «О старом и новом». Эта статья, как сообщает Кошелев, была написана Хомяковым «с намерением вызвать возражения со стороны Киреевского» и «никогда не предназначалась для печати».⁵ Однако в московских

² Китаев В. А. Славянофилы в первые пореформенные годы. — Вопросы истории, 1977, № 6, с. 49.

³ Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873, с. 223; ср.: Герцен А. И. Избранное. Л., 1972, с. 492.

⁴ «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева «является удивительным примером того, как может быть выстроена вся система воззрений, которая будет тут же истолкована противниками (имеются в виду славянофилы, — С. Н.) от обратного» (Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература, с. 237).

⁵ Кошелев А. И. Материалы для биографии И. В. Киреевского. — В кн.: Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I. М., 1861, с. 85. — Статья Хомякова «О старом и новом» впервые была опубликована лишь после его смерти в Полном собрании сочинений Хомякова, изданном

литературных салонах выступление Хомякова, как и последующий ответ Киреевского, стали предметом острых дискуссий. Обе статьи, как свидетельствуют современники, распространялись по Москве в рукописных списках, оживленно обсуждались на литературных вечерах и даже были сообщены отсутствовавшим тогда в Москве лицам, мнением которых интересовались.⁶ Именно то, что статьи Хомякова и Киреевского, вернее «записки», как называли их сами авторы, были написаны ими не для публикации, а для прочтения в кругу друзей и единомышленников, делает их особенно ценными источниками по истории славянофильства, они дают возможность выявить «сокровенные мысли» славянофилов, поскольку в условиях жесточайшей николаевской цензуры, пресекавшей любое проявление независимых мнений, откровенно высказываться по социально-политическим вопросам, волновавшим тогда передовые слои русского общества, ни славянофилы, ни их противники не могли.

Не меньшее источниковедческое значение имеют подобного рода «бесцензурные сочинения» славянофилов конца 30-х—начала 40-х годов XIX в. и для выяснения идейных истоков славянофильства, изучения самого процесса его формирования, так как в печати работы славянофилов программно-теоретического характера стали появляться лишь во второй половине 40-х годов, когда славянофильство как учение и определенное направление в русской общественной мысли достаточно определилось. Это отмечали еще А. Н. Пыпин и С. А. Венгеров. Так, А. Н. Пыпин писал: «Вследствие того, что спорные пункты решались диспутами по способу, употреблявшемуся до изобретения книгопечатания, славянофильское учение выработалось наконец (в первоначально тесном кружке) до значительной выдержанности общих оснований и подробностей: когда оно выступило особым направлением в литературе, оно явилось в пей как готовый ряд воззрений, которым были довольно верны все члены школы».⁷

Для первого произведения славянофильства — учения, уже само название которого отражает его основное содержание, начало статьи «О старом и новом» звучит несколько парадоксально: «Говорят: в старые годы лучше было все в земле Русской. Была грамотность в селах, порядок в городах, в судах правда, в жизни довольство ... Грамотность! Но на копии... с присяги русских дворян первому из Романовых вместо подписи князя Троекурова,

И. С. Аксаковым в 1861 г. Подлинник названной статьи не сохранился, она была напечатана по одному из списков, как указывал И. С. Аксаков, «весьма плохому» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III. М., 1900, с. 11). Статья И. В. Киреевского также не была опубликована при жизни автора. Она вошла в посмертно изданное Полное собрание его сочинений под редакцией А. И. Кошелева (М., 1864).

⁶ Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство. — Историк-марксист, 1941, № 1, с. 87; Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература, с. 25.

⁷ Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений... с. 238.

двух дворян Ртишевых и многих других, мне известных, находится крест с отметкою: по неумению грамоте... Правда! Но князь Пожарский был отдан под суд за взятки... Довольство! При малейшем неурожае люди умирали с голоду тысячами...»⁸ Хомяков, казалось бы, сразу же стремится противопоставить свой взгляд на прошлое России идеализации древнерусской жизни, выступить в роли беспристрастного судьи истории, отвергающего и «нигилизм» по отношению к лучшим достижениям прошлого, и «идолопоклонство» перед ним. Но вскоре оказывается, что демонстративно-беспристрастное начало статьи Хомякова — только литературный прием, на самом деле его суждения отнюдь не беспристрастны, а подчас даже явно тенденциозны. Так, Хомяков доказывает «почти совершенное» равенство всех сословий на Руси, в которых люди якобы «могли переходить все степени службы государственной и достигать высших знаний и почестей». «Даже самые злые враги древности русской, — утверждает он, — должны ей отдать в сем отношении преимущество перед народами западными». Полное «превосходство» Древней Руси над Западной Европой — один из основных тезисов статьи Хомякова, который он как бы противопоставляет нигилистической оценке прошлого России Чаадаевым,⁹ подчеркивая «светлые стороны» «прошедшего» и рисуя явно идеализированные картины древнерусской жизни: в древнерусских «селах» была грамотность (об этом говорят «мирские приговоры» и «это факты ясные, неоспоримые»), в городах порядки, цель которых «облегчать, сколько возможно, низшим доступ к высшим судилищам» (этому тоже «явные свидетельства»); в Северной и Средней России «суд присяжных», а везде «суд словесный» или «совестный», «суд по форме прекрасный» (существование его опять же «безсомненно»). Но особенно большое значение придает Хомяков «свободе» «чистой и просвещенной церкви» в Московской Руси.¹⁰

⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 12.

⁹ В первом «Философическом письме», опубликованном в «Телескопе» в 1836 г., П. Я. Чаадаев, как известно, доказывал полное «превосходство» Западной Европы — носительницы «подлинного» христианства в лице католицизма перед Россией, «обособленной странной судьбой» от магистрального пути развития человечества. «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя», — писал он (Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. II, М., 1914, с. 111). В какой-то степени как протест против столь явственно выразившегося в «Философическом письме» нигилистического отношения к прошлому России и пессимизма во «взгляде» на ее будущее и возникло славянофильство, «отправной датой» которого справедливо считается записка А. С. Хомякова «О старом и новом» (Янковский Ю. З. Из истории русской общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия, с. 34). Особое значение поэтому приобретает утверждение Чаадаева, что «история — ключ к пониманию народов» (Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. II, с. 117). Именно на «историческом поле» и спорит с Чаадаевым Хомяков, противопоставляя ему свой взгляд на прошлое России и ее «назначение» в будущем.

¹⁰ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 13—14.

Никаких действительно «убедительных свидетельств» в пользу своих утверждений, которые Хомяков, как и Чаадаев в своем отрицании смысла и значения истории России, облакает в форму «неоспоримых» истин, он не приводит, хотя и выдает свои предположения за объективные исторические свидетельства — желаемое за действительное.

Для Хомякова вообще характерно весьма субъективное использование исторических фактов и аналогий. Как отмечал известный советский литературовед Е. А. Маймин, «во всех выводах и положениях Хомякова-ученого чувствуется романтическая по природе потребность по-своему построить историю, подчинить свое представление истории своей же мечте. У него история всегда „идеальная“ в том смысле, что она трактуется в соответствии с его собственным идеалом». Цитируя высказывание Хомякова из «Записок о всемирной истории», что «многие истины, а, может быть, самые важные истины, какие только дано познать человеку, передаются от одного другому без логических доводов, одним намеком, пробуждающим в душе скрытые силы», А. Е. Маймин пишет: «У Хомякова это не простая декларация. Для его... литературного и исследовательского метода очень характерен отказ от построений, основанных на системе последовательных логических доказательств».¹¹

Однако отчетливо выразившиеся уже в рассматриваемой статье стремление Хомякова к «живому воспроизведению прошлого», которое он считает первым условием всякого исторического знания, предпочтение, которое отдает Хомяков «научной интуиции» перед «фактологией», еще не означают, что он отрицал возможность объективного (научного) познания истории.¹² На-

¹¹ Маймин Е. А. Русская философская поэзия. М., 1976, с. 73.

¹² Мы не вполне согласны с точкой зрения А. В. Предтеченского, утверждавшего, что «славянофилы в лице А. С. Хомякова пришли к заключению, что история не может быть предметом научного исследования» (Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, с. 330), поскольку к самому вопросу о «научности» исторических исследований славянофилов следует подходить исторически. Для своего времени взгляды славянофилов на историю имели ряд позитивных сторон. И славянофилы, и их противники, историки «государственной школы», в вопросах методологии истории находились в целом на одном уровне. Хомяков возражал против «односторонности» исторических трудов С. М. Соловьева, хотя главной заслугой последнего в развитии русской исторической науки и сейчас многими советскими исследователями считается то, что он «ближе всех подошел к реализации принципов историзма в стремлении раскрыть историческую действительность в ее конкретности и взаимообусловленности» (Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, с. 365). В своих «Замечаниях на статью г. Соловьева „Шлецер и антиисторическое направление“» Хомяков, например, писал: «Он (Соловьев, — С. Н.) рассказывает не историю России, даже не историю государства Русского, а только историю государственности в России... Это сбор официальных столбцов исторической летописи, подведенной под некоторую систему. Важно прибавить, что есть и неофициальная часть, слишком мало обделанная; но она не связана никакою живою связью с официальным отде-

оборот, для Хомякова, как и для других славянофилов, было характерно особое внимание к истории. Еще Евг. Соловьев (Андреевич) отмечал, что «сама их доктрина обязывала заниматься историей. Их идеал был в прошлом, и они любовно вглядывались в него».¹³

В оценке истории России Хомяков исходит из того, что в древнерусской жизни «хранилось много прекрасных инстинктов, которые ежечасно искажаются», тут же оговариваясь, однако, что «нельзя не признаться, что все лучшие начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемнены в жизни народной, прежде чем закон коснулся их мнимой жизни».¹⁴ Для Хомякова народ — главный «деятель» истории. Возможно, само по себе это важнейшее положение исторических построений Хомякова, казалось бы, позитивно, но его «народолюбие» имело и обратную сторону: на народ, как на основную «историческую силу», Хомяков возлагал и ответственность за те «темные стороны» древнерусской жизни, существование которых он, несмотря на идеализацию Древней Руси, все же вынужден был признавать. Все «прекрасные стихии, которые нами утрачены, — утверждает Хомяков, — прежде были убиты народом, по-

лом, так же, как водится в современных газетах. Последовательность кое-где видна, жизни нигде» (Хомяков А. С. Сочинения, т. I, М., 1882, с. 630). Для характеристики Хомякова как историка показателен отзыв о нем К. И. Бестужева-Рюмина, в котором наряду с преувеличением исторических заслуг Хомякова содержится ряд интересных замечаний о значении его работ по истории: «Хомяков, никогда не принадлежавший к разряду специалистов ни по одной из наук..., сказал в каждой из них много такого, что заставит задуматься многих специалистов и может повести к открытиям в науке. Конечно, он далеко не чужд парадокса: многие из его изысканий о происхождении разных народов, на основании которых он старался объяснить характер того или другого народа, более чем сомнительны... Тем не менее на пути к своим не всегда точным выводам он успевает сделать столько тонких замечаний, привести столько неожиданных аналогий, что даже и ошибками своими признает более пользы, чем иные ученые своими непогрешимыми истинами, повторяемыми в тысячный раз и давно обратившимися в общие места, для доказательства которых рутинным образом подбираются факты, лишаемые и своей индивидуальности, и своего истинного значения» (Отечественные записки, 1862, № 5, с. 33—34).

¹³ Соловьев Евг. (Андреевич). Очерки по истории русской литературы XIX века. СПб., 1902, с. 101.

¹⁴ Хомяков А. С. Сочинения, т. I, с. 17. — В связи с этим высказыванием Хомякова об определенной роли «самой жизни», народных «обычаев» по сравнению с «законом», лишь фиксирующим, закрепляющим выработанные обязанности и права, следует отметить, что точка зрения А. В. Предтеченского, что «славянофилы рассматривали крепостное право как результат законодательства Петра I» (Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, с. 329), неточна, поскольку уже в разбираемой статье (она представляет первый и наиболее важный программный документ славянофильства) Хомяков неоднократно утверждает как раз обратное: крепостное право «введено уже обычаем» и лишь «освящено» законом (Хомяков А. С. Поли. собр. соч., т. III, с. 16), все лучшие черты русской жизни и «уничтожены обрядами, прежде чем закон коснулся их» (там же, с. 19).

том уже схоронены государямн».¹⁵ Процесс постепенного «искажения» «истинных народных начал», происходивший, по мнению Хомякова, в русской истории, он изображает следующим образом: «По мере того, как царство Русское образовывалось и крепло, изглаживались мало-помалу следы первого, чистого и патриархального состава общества. Вольности городов пропадали, замолкали веча, отменялось заступничество тысяцких, вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле..., и добро нравственное сохранялось уже только в мертвых формах, лишенных прежнего содержания».¹⁶

Таким образом, согласно исторической концепции Хомякова, достаточно определенно выразившейся в рассматриваемой статье, «истинные начала» русской жизни, представляющие, как неоднократно указывает Хомяков, ее «главное достоинство», менее всего искажены в наиболее древний период русской истории. Поэтому широко распространенная в историографии точка зрения, что «идеальным общественным устройством славянофилы считали то, которое было на Руси в XVII столетии»,¹⁷ требует по крайней мере существенных оговорок. В данной статье «прекрасные инстинкты» русского народа, которые, как стремится доказать Хомяков, представляют «главное преимущество» России перед Западом, выступают «затемненными» уже с самого ее начала, оказываясь лишь «воспоминаниями древности неизвестной», относящимися (точной датировки автор избегает) к неведомому периоду, так сказать, «донисторическому» периоду.¹⁸ Правда, этот романтический элемент исторических построений Хомякова несколько не смущает, и автор статьи «О старом и новом» продолжает настойчиво доказывать необходимость «воскрешения» «утраченных стихий русской жизни». Собственно, в этом и заключается основная идея статьи Хомякова: «Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать, нам (русским, — С. Н.) довольно воскресить, уяснить старое, провести его в сознание и жизнь».¹⁹

Определенную роль в возрождении в России «коренных народных стихий» Хомяков отводит религии. «Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля Русская», — патетически восклицает он.²⁰

Основными пороками «новой России» Хомяков считает «злоупотребление аристократии» и «мерзость рабства законного», которые, по его мнению, должны быть «искоренены» полностью. Особенно решительно выступает Хомяков против крепостни-

¹⁵ Там же, с. 19.

¹⁶ Там же, с. 17.

¹⁷ Сладкевич Н. Г. Славянофильская критика. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, с. 331.

¹⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 19.

¹⁹ Там же, с. 20.

²⁰ Там же, с. 21.

чества: «В наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна искорениться общими и прочными мерами».²¹ В 40—50-е годы XIX в., когда, как указывал В. И. Ленин, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом»,²² столь определенно выраженное отрицательное отношение Хомякова к крепостничеству являлось, бесспорно, одним из наиболее позитивных элементов славянофильства. «Признание необходимости уничтожить крепостное право и полицейски-бюрократическую систему управления страной, — подчеркивает З. В. Смирнова, — несомненно, отделяло славянофильство от теории официальной народности».²³

В заключении к статье, подводя итоги своим выводам об определяющем значении исторического прошлого России для ее будущего развития, Хомяков пишет: «Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее — светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неспорченной индивидуальности нашего времени».²⁴

Так впервые была провозглашена социально-политическая программа славянофильства, провозглашена именно А. С. Хомяковым. В этом тоже была своя общественная и человеческая «закономерность». «Это был человек с тонким, парадоксальным умом, с блестящей способностью к диалектике, — писал о Хомякове А. Н. Пыпин, — легко впадавший в софизмы, с очень разнообразными, хотя почти во всем дилетантскими сведениями».²⁵ «Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он... во всякое время дня и ночи... был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете — от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста», — характеризовал Хомякова в «Былом и думах» Герцен.²⁶

Незаурядная, по-своему цельная и одновременно очень противоречивая личность Хомякова не случайно привлекала к себе особое внимание его идейных противников.²⁷ В этом отношении

²¹ Там же, с. 18.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

²³ Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973, с. 242.

²⁴ Там же, с. 29.

²⁵ Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений..., с. 253.

²⁶ Герцен А. И. Избранное, с. 502.

²⁷ Единомышленники Хомякова относились к нему «с самым восторженным удивлением» (Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений..., с. 253). С большим почтением относились к Хомякову даже те,

весьма любопытна характеристика Хомякова в известных «Записках» историка С. М. Соловьева: «Хомяков — низенький, сутуловатый, черный человек, с длинными черными косматыми волосами, с цыганской физиономией, с дарованиями блестящими, способный говорить без умолку с утра до вечера... Скалозуб прежде всего по природе, — он готов был всегда подшутить над собственными убеждениями, над убеждениями приятелей... Понятно, что в нашем зеленом обществе, не имевшем средств оценить истинного знания, добросовестности и скромности с последним неразлучных, Хомяков прослыл гением; это вздуло его самолюбие, сделало его раздражительным, неуступчивым, злым».²⁸

Диссонансом этой язвительной и не лишенной проницательности оценке Хомякова, где он предстает скалозубом прежде всего по природе, звучат слова Герцена: «Многие — и некогда я сам — думали, что Хомяков спорил из артистической потребности спорить, что глубоких убеждений у него не было, и в этом виновата его манера, его вечный смех и поверхностность тех, которые его судили. Я не думаю, чтоб кто-нибудь из славян (славянофилов. — *С. Н.*) сделал больше для распространения извозрения, чем Хомяков. Вся его жизнь, человека очень богатого и не служившего, была отдана пропаганде. Смелся он или плакал, — это зависело от нервов, от склада ума, от того, как его сложила среда и как он отражал ее, до глубины убеждения это не касается».²⁹

Алексей Степанович Хомяков родился в 1804 г. в Москве в богатой и очень патриархальной дворянской семье. Уже с детства он воспринял те «православно-русские» патриотические и религиозные убеждения, глубокую веру в которые сохранил до конца жизни (Хомяков умер от холеры в 1860 г.). Начинать свою литературную деятельность Хомяков еще в первой половине 20-х годов как поэт. В качестве публициста он стал выступать в печати лишь в 40-е годы.

Политические взгляды Хомякова во многом сложились уже в молодости. Сохранились записи его дочери Марии Алексеевны Хомяковой (сделанные в 50-х годах со слов самого А. С. Хомя-

кто не вполне разделял его взгляды. Яркое тому свидетельство — отзыв о Хомякове М. П. Погодина: «Хомяков! Что это за натура даровитая, своеобразная! Какой ум, всеобъемлющий, какая живость, обилие в мыслях, которых у него в голове заключались, кажется, источник неиссякаемый, бывший ключом при всяком случае направо и налево» (Бродский Н. Л. Ранние славянофилы. М., 1910, с. XIV).

²⁸ Записки Серг. Мих. Соловьева. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пгр., 1915, с. 104—105.

²⁹ Герцен А. И. Избранное, с. 504. — В. Г. Белинский, критикуя Герцена за недопустимую, по его мнению, мягкость и снисходительность в отношении к Хомякову, писал по этому поводу В. П. Боткину (февраль 1843 г.): «Он (Герцен, — *С. Н.*) толкует, что г. Хомяков — удивительный человек, что он, правда, лежит по уши в грязи, — но видишь ты — и страдает от этого. А в чем выражается это страдание? В болтовне, в семинарских диспутах pro и contra» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, с. 130).

кова), в которых содержатся интересные сведения о политических убеждениях молодого Хомякова и его отношении к декабристам. В 1824—1825 гг., сообщает М. А. Хомякова, в доме у А. А. и Н. А. Мухановых собиралась близкая к декабристам военная молодежь. Главным «оракулом» на этих вечерах был Рылеев и основная тема разговоров — «необходимость конституции и переворота посредством войска». А. С. Хомяков часто посещал эти «собрания», участвовал в сборах и один, по ее словам, не соглашался с Рылеевым, доказывая ему и А. И. Одоевскому, что они «вовсе не либералы», а только хотят «заменить единодержавие тиранством вооруженного меньшинства», поскольку «всякий военный бунт сам по себе безнравственен».³⁰ Насколько можно верить этим записям дочери Хомякова, сделанным с его слов двадцать лет спустя? Нельзя исключать того, что Хомяков мог в своих рассказах «в кругу семьи» преувеличить принципиальность своей тогдашней позиции, а заодно и «отреагировать» на обвинения в сочувствии в прошлом идеям декабристов. (На эту мысль наводит довольно странная фраза в записках, что «он (Хомяков, — С. Н.) успел сжечь все свои бумаги о сношениях с декабристами».)³¹ Но бесспорно одно: приведенные записи в целом верно отражают критическое отношение Хомякова к замыслам декабристов, и не только тогда, когда он стал «идейным вождем» славянофильства.

Во время непосредственной подготовки восстания 14 декабря и в последующие месяцы Хомякова не было в Петербурге, он жил в Париже, увлекался живописью, писал трагедию «Ермак» и, судя по всему, утратил интерес к политике. В Париже застали Хомякова и вести о трагических событиях 14 декабря 1825 г. О его отношении к самому восстанию декабристов можно судить по переписке с ним старшего брата Федора и отца — С. А. Хомякова. Сами письма А. С. Хомякову не сохранились. Однако из ответного письма его отца от 3 марта 1826 г., в котором он, осуждая восстание и именуя его «заговором молокососов», хвалит сына за «здравые и правильные суждения», достаточно ясно видно, что молодой Хомяков относился к восстанию отрицательно.³²

В мрачные годы николаевской реакции, последовавшие за разгромом восстания 14 декабря, Хомяков явно оказался «не у дел». Действительно, пылкому молодому человеку, жаждав-

³⁰ Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература, с. 29—30. — Отметим, что А. С. Хомяков принимал участие в альманахах «Полярная Звезда» на 1824 г., его лирическая пьеса «Заря» была включена в состав «Звездочки» Рылеева и Бестужева на 1826 г. Как справедливо заметил Е. А. Маймин, «участие Хомякова в литературных изданиях Рылеева и Бестужева... свидетельствует о литературном, отчасти личной... близости молодого Хомякова к декабристам» (Маймин Е. А. Русская философская поэзия, с. 54).

³¹ Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература, с. 30.

³² Русский архив, 1883, кн. 2, с. 119.

шему активной деятельности «на общее благо», нечего было делать в тогдашней России и неоткуда было ждать надежды на «лучшую участь».

«В первую минуту, когда Хомяков почувствовал эту пустоту, — писал о личной судьбе Хомякова Герцен, — он поехал гулять по Европе во время сонного и скучного царствования Карла X; докончив в Париже свою забытую трагедию „Ермак“ и потолковавши со всякими чехами и далматами на обратном пути, он воротился. Все скучно! По счастью открылась турецкая война, он пошел в полк, без нужды, без цели и отправился в Турцию. Война кончилась, и кончилась другая забытая трагедия — „Дмитрий Самозванец“. Опять скука!

В этой скуке, в этой тоске, при этой страшной обстановке и страшной пустоте мелькнула какая-то новая мысль; едва высказанная, она была осмеяна; тем яростнее бросился на отстаивание ее Хомяков, тем глубже возшла она в плоть и кровь Киреевских».³³

Рассказывая о жизни Хомякова, Герцен тонко оттенил психологические мотивы его теоретических поисков, итогом которых и стала статья «О старом и новом». Она еще носит следы сомнений и исканий автора. Выводы выглядят расплывчато, неопределенно. Но, как писал Герцен, «семя было брошено» — статья вызвала всеобщий интерес, споры. Появился и пространный ответ — статья Киреевского. Прямо озаглавленная «В ответ А. С. Хомякову», она, хотя и содержала ряд критических замечаний в его адрес, в целом звучала в тон основным выводам Хомякова, подхватывала и развивала их. Написанная с философским акцентом, статья И. Киреевского расширяла и дополняла основные идеи Хомякова, перенося их из плоскости преимущественно исторической в область философско-этической. Весьма насыщенная содержанием, она заключала в себе ряд новых и интересных для своего времени мыслей. Перемешанные с мнениями весьма наивными, они выглядят тем любопытнее и ярче.

Киреевский прямо начинает свое изложение с противопоставления России и Запада. Запад, по его мнению, «в сущности своей» представляет «торжество формального разума над верою», в котором «проницательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы, как следствие вообще начатого начала, т. е. и Штрауса, и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм, как пружину общественной жизни, и филантропию, основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силой возбужденной зависти, и Гёте, венец новой поэзии, литературного Талейрана, меняющего свою красоту, как тот свои правительства, и Наполеона, героя нового времени, идеал бездушного расчета, и материальное

³³ Герцен А. И. Избранное, с. 508.

большинство, плод рациональной политики, и Людвиг Филиппа, последний результат таких надежд и таких дорогих опытов!».³⁴

В этих с незаурядным литературным мастерством написанных строках много меткой иронии, явное сгущение красок и незаслуженное осуждение Гёте и «новой философии», которой автор был во многом обязан своими «антизападными» выводами. Впрочем, в подкрепление своих идей Киреевский и сам ссылается на эту столь строго осужденную им «новую» европейскую философию: «Все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума».³⁵

Среди «высоких умов Европы», у которых Киреевский заимствовал идеи, прежде всего следует назвать упадническую «философию откровения» позднего Шеллинга, объявляющую иррациональное «чувство» высшей ступенью в развитии разума.³⁶ В молодости — в двадцатые годы — Киреевский горячо увлекался Шеллингом и, несмотря на, казалось бы, решительное отречение от его философии в славянофильский период своей деятельности, так и не сумел выйти из плена шеллингианства в своих философско-исторических концепциях.³⁷

По мнению Киреевского, «новой духовной силой вне разума», которой предназначено преобразить человечество, должно стать христианство, очищенное от католического «рационализма». Носителем этой новой «истинной веры», с точки зрения Киреевского, является Россия, находившаяся «под прямым влиянием христианства», без примеси мира языческого, т. е. «классического мира Древнего Рима и Греции, наследницей которого стала Европа».³⁸ В русской жизни воплощены принципы христианского

³⁴ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 191. — Цитированные строки наглядно показывают, что «славянофилы не делали различия между Западом „старым“, феодально-клерикальным, и Западом „новым“, буржуазно-республиканским» (Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., 1977, с. 97).

³⁵ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 192.

³⁶ Глубокое влияние философии Шеллинга на славянофильство неоднократно отмечалось советскими исследователями. Наиболее определенно указывали на связь славянофильства с шеллингианством Л. Пипер, Н. Л. Рубинштейн, Н. Г. Сладкевич. Так, Л. Пипер писал: «Основные идеи славянофильства: вера как движущее начало исторической жизни народов; борьба двух начал в истории человечества — свободы и необходимости — как борьба духовного и материального начала; община как религиозно-нравственная организация — все эти идеи находили себе подтверждение в славянофильски истолкованной философии истории Шеллинга» (Пипер Л. Мирозрение Герцена. М., 1935, с. 74).

³⁷ См.: Кошелев А. И. Материалы для биографии И. В. Киреевского.

³⁸ Там же, с. 194. — Это высказывание Киреевского представляется особенно важным, поскольку, как отметил А. И. Цамутали (автор одного из последних исследований, где рассматривается историческая теория славянофилов), «именно признание христианства, православия главным фактором исторического развития русского народа является важнейшим и необходимым элементом славянофильской концепции истории России»

общезнания и морали. В России «человек принадлежал миру, миру, поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества», — пишет Киреевский.³⁹ Эти строки знаменательны тем, что в них впервые отчетливо высказаны идеи, ставшие основой славянофильской общинной теории. «Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения, — развивает свою мысль Киреевский, — в том же predetermined порядке подчинялась семья миру, миру более обширному — сходке, сходка — вече и т. д.»⁴⁰ В этой «предeterminedности», установленной неизменно «традицией», Киреевский видит огромное преимущество России перед Западом, спасшее ее от «эгоизма личностей». В Древней Руси, утверждает он, «никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло установить нового порядка, выдумать новые права и преимущества». Метафизическое постоянство, которое, по мнению Киреевского, существовало на Руси, кажется ему большим достоинством. Основным выводом его статьи в том, что в России жизнь определяет «безусловное начало», руководящее каждым человеком и всем обществом, это «начало» — традиция, являющаяся выражением христианских принципов. На Западе же, считает Киреевский, жизнь регламентируется «общественным договором», т. е. материальной сделкой противостоящих друг другу общественных сил и личностей. Такой договор только «уравновешивает», но не уничтожает «эгоизм личностей», и в этом, с точки зрения Киреевского, основной «порок» Запада.⁴¹

Эта явная идеализация Древней Руси, отчетливо выразившаяся в обеих рассмотренных статьях, впоследствии превратилась в неотъемлемую черту славянофильства.⁴²

(Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии. Л., 1977, с. 66).

³⁹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 194.

⁴⁰ Там же, с. 195. — Уже это первое выражение славянофильского взгляда на русскую общину показывает, что «община для славянофилов является в конечном счете не специфической формой общественной организации определенного периода и не организацией крестьянского быта, а превращается в абстрактную идею общинной связи» (Рубинштейн П. Л. Русская историография, с. 277).

⁴¹ Эта критика Киреевским общественных отношений в Западной Европе, надо сказать, вообще очень характерная для славянофилов, чрезвычайно важна для выяснения идейно-классовой сущности их учения. «Славянофильство, — отмечала З. В. Смирнова, — выдвигавшее против договорных, основанных на „внешнем“ законе, связей между людьми связи нравственные, вытекающие из „внутреннего“ закона единства и любви, было попыткой противопоставить капиталистическому типу общественных отношений патриархальный тип» (Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена, с. 214).

⁴² В связи с нашими оценками славянофильской идеализации Древней Руси, проявившейся в рассмотренных статьях А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, любопытно привести оригинальную характеристику этой стороны учения славянофилов В. А. Маливиным. Славянофильская «романтическая ностальгия об утраченной ценности человека, расщепленного

Что касается известных расхождений во взглядах между А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, которые проявляются уже в данных статьях, то они относились к толкованию тезиса о «полноте» выражения в Древней Руси «истинных христианских начал» и взаимовлияния русской и западноевропейской духовных «стихий». Так, Хомяков считал, что христианские «человеческие начала» («прекрасные стихии») русской жизни, которые «были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего (русского, — С. Н.) племени», выступали «затемненными» (в значительной степени под воздействием греческой церкви) уже в Древней Руси, вследствие чего не могли развиться и были «нами утрачены».⁴³ Киреевский же утверждал, что Древняя Русь хранила «истинные начала» в их «чистоте и полноте», что «самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства».⁴⁴ Если Хомяков категорически утверждал, что западноевропейские народы «не имеют ничего хорошего за собою» и Россия поэтому должна развиваться, опираясь только на свои «исконные» начала, «воскрешая древние формы жизни русской», «воскрешая, уясняя старое», «приводя его в сознание и жизнь» и заимствуя лишь «случайные открытия Запада»,⁴⁵ то Киреевский уже в самом начале своего ответа Хомякову, возражая ему, доказывал, что «сколько бы мы ни были врагами Западного просвещения, западных обычаев и т. под., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет?.. Потому, сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, — но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал».⁴⁶

Таким образом, мы видим, что И. В. Киреевский, в отличие от А. С. Хомякова, более «благосклонно» относился к Западу, допуская возможность и даже, по всей видимости, неизбежность

„неправильным“ ходом общественного развития, — утверждает он, — их попытки доказать возможность возвращения прошлого взамен отрицательно-противоречивого настоящего, которое не обещает ничего положительного в будущем, — все это утопические рецепты ликвидации состояния отчужденности современного им человека, которое славянофилы видели и по-своему отвергали» (Малинин В.А. История русского утопического социализма, с. 81).

⁴³ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 29, 19, 21—23.

⁴⁴ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 200. — Характеризуя именно этот тезис Киреевского, лежащий в основе его исторических построений об определяющей роли христианства в истории общества, Н. Л. Рубинштейн отмечал: «Эта близость к чистоте первоначального состояния означает в новом разрезе... конечное отрицание исторического развития и его прогрессивного значения» (Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 282).

⁴⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 20, 29.

⁴⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 489.

не только борьбы, но и взаимодействия в будущем древнерусских и западных «начал» и возникновение на их основе «чего-то третьего», иначе говоря, третьего пути развития, по которому пойдет и Россия, и Западная Европа. Эта большая «терпимость» к «западным началам» и «быту» весьма характерна для позиции И. В. Киреевского в конце 30-х—первой половине 40-х годов, когда он пытался соединить свои славянофильские убеждения с прежними, во многом близкими к западным, взглядами. По мнению Н. Л. Рубинштейна, лишь с 1839 г. «начинается превращение» И. В. Киреевского в «идеолога славянофильства», но и позднее (в 1845 г.) «он объявлял бесплодными все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей и т. п.».⁴⁷ О стремлении Киреевского еще в первой половине 40-х годов увязать свои славянофильские взгляды с симпатиями к Западной Европе, сильными в нем в молодые годы, свидетельствует и А. И. Герцен. В своем дневнике (17 ноября 1845 г.) он пишет о И. В. Киреевском: «Иван Васильевич хочет как-то и с Западом поладить; вообще он и фанатик, и эклектик...».⁴⁸ Поэтому далеко не случайно, что в ответе Хомякову Киреевский как бы признавался в своей «душевной раздвоенности»: «Если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками, но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех пристойностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящей жизнью».⁴⁹

Таковы различия в позициях, занятых в рассмотренных статьях А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским. Как мы видим, они не касаются главного постулата новой доктрины — утверждения о «духовном превосходстве» России — носительницы «истинно христианских начал» — над «односторонним», «рассудочным» Западом. Несомненно, что такая позиция вела по существу к национализму.

Но можно ли считать национализм главным источником учения славянофилов? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Для Хомякова, например, национализм, несомненно, был психологическим импульсом, даже истоком его «православно-русских» взглядов и ретроспективных исторических концепций, но для Киреевского националистические настроения являлись скорее следствием восприятия и перенесения им на русскую почву шеллингизма — подлинной основы славянофильства как учения, чем причиной, которая привела Киреевского к шеллингизму.

⁴⁷ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 281.

⁴⁸ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. II, М., 1954, с. 397.

⁴⁹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 192.

ской этике и философии истории.⁵⁰ Говоря об истоках и процессе формирования идеологии славянофильства, необходимо отметить, что именно Киреевский в статье «В ответ А. С. Хомякову» общепризнанно философски обосновал выдвинутую Хомяковым идею о великих «христианских началах», хранящихся в русской «народной жизни», и впервые систематически изложил основные теоретические положения славянофильства.

И. В. Киреевский, этот «русский Дон Кихот», как назвал его Д. И. Писарев, сыграл в создании теории славянофильства крупнейшую роль. Мечтатель и идеалист в жизни, он воплотил любимые социальные фантазии в своих теоретических построениях, и именно ему славянофильство более всего обязано элементами созерцательной «романтики прошлого», мечты-воспоминания о «золотом веке» древнерусской жизни.⁵¹

Литературно-публицистическая деятельность Киреевского, многообещающе начинавшаяся в кругу литературных друзей Жуковского и Пушкина, бледно закончилась в плену у ретроспективных славянофильских утопий. «Трагическим лицом, сраженным чудическим николаевской действительности», назвал И. Киреевского известный последователь славянофильства Н. Л. Бродский. Этот «человек, любивший одевать жизнь в блестящие краски, видел в жизни больше горечи, чем счастья, прошел дорогу, почти сплошь усеянную терниями», — писал он.⁵² Большие философские способности Киреевского, его незаурядное литературное дарование как-то потерялись, угасли в общем безвременье николаевской эпохи. Написал Киреевский очень немного, но все написанное им носит следы большого ума и таланта и содержит немало интересных, подчас глубоких мыслей. Пожалуй, лучшие строки о Киреевском принадлежат Герцену: «Преждевременно состарившееся лицо Ивана Васильевича носило резкие следы страданий и борьбы, после которых уже выступил печальный покой морской зыби над потонувшим кораб-

⁵⁰ Мы согласны с мнением А. Н. Цамутали, что с течением времени «некоторые толкователи славянофильской доктрины стали придавать ей прежде всего националистический характер. Эта тенденция особенно усилилась в работах поздних славянофилов, в выступлениях „почвенников“. Такой националистический вариант славянофильской доктрины принимают за „истинное“ славянофильство и некоторые исследователи. Однако представители классического славянофильства сороковых годов и позднее четко проводили различие между своей схемой и этим националистическим вариантом» (Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии, с. 66).

⁵¹ Для характеристики социально-утопических исканий И. В. Киреевского очень показательна его неоконченная повесть «Остров», относящаяся к 1838 г. Киреевский писал в ней о «праведной» жизни на «неизвестном острове»: «Земля была общая, труды совместные, деньги без обращения, роскошь неизвестна», в занятиях жителей острова «работа телесная сменялась умственной деятельностью. В собраниях правдивость, доброжелательство и стремление к возвышенным наслаждениям духа» (Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. I, с. 152).

⁵² Бродский Н. Л. Ранние славянофилы. М., 1910, с. XVII.

лем. Жизнь его не удалась. С жаром принялся он, помнится, в 1833 году за ежемесячное обозрение „Европеец“. Две вышедшие книжки были превосходны, при выходе второй „Европеец“ был запрещен. Он поместил в „Деннице“ статью о Новикове, — „Денница“ была схвачена и цензор Глинка посажен под арест. Киреевский, расстроивший свое состояние „Европейцем“, уныло почил в пустыне московской жизни; ничего не представлялось вокруг — он не вытерпел и уехал в деревню, затаив в груди глубокую скорбь и тоску по деятельности». ⁵³

В этом рассказе Герцена весь Киреевский, вся его судьба. Восторженный, благоговевший перед заоблачной поэзией Жуковского, французской романтической литературой, трансцендентальными абстракциями Шеллинга, он, столкнувшись с мрачной действительностью России 30-х годов XIX в., растерялся, не найдя применения своим пылким стремлениям, сломился и оказался в плену у однообразно унылой, бездеятельной помещичьей жизни. С детства глубоко религиозный, он все более и более погружался в болезненный мистицизм.

Эволюция взглядов Киреевского более противоречива и сложна, чем идейное развитие Хомякова. В мировоззрении Киреевского во второй половине 30-х годов произошел решительный поворот к религиозно-националистическим теориям. Очень существенную роль в этом сыграло влияние «православно-русских» взглядов Хомякова, с которым он находился в дружеских отношениях. Киреевский не был так предан догматам православия, как Хомяков, в молодости взгляды его не имели и ярко выраженного националистического оттенка, но уже тогда многое располагало Киреевского к восприятию идей Хомякова: они были созвучны и его мистическим настроениям, и его умеренному либерализму. Именно поэтому он с таким энтузиазмом откликнулся на статью Хомякова и привнес в его построения новый, философско-этический элемент, сыгравший в теоретическом формировании славянофильства решающую роль.

Рассмотренные статьи А. С. Хомякова и И. В. Киреевского представляют интересный и важный источник по истории возникновения и разработки учения славянофилов — своего рода «тезисы» будущего славянофильства. Эти статьи дают возможность проследить сам ход обсуждения кардинальных теоретических проблем будущими главными идеологами славянофильства в период, когда оно как определенное течение в русской общественной мысли еще только складывалось, позволяют выявить основополагающие черты учения славянофилов, составившие впоследствии его «идейный стержень». Это в свою очередь помогает составить более конкретное, а главное — более объективное представление о славянофильстве 40-х годов XIX в.

⁵³ Герцен А. И. Избранное, с. 505.